
**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«САБИНА НИКОЛАЕВНА ШПИЛЬРЕЙН:
ЕЕ ЛИЧНОСТЬ И ВКЛАД В ПСИХОАНАЛИЗ,
ПСИХОЛОГИЮ РАЗВИТИЯ, КЛИНИЧЕСКУЮ
ПСИХОЛОГИЮ»**

УДК 159.9.01

**СИМВОЛ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ
И СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

***Абакумова Ирина Владимировна
Ермаков Павел Николаевич
Колтунова Елена Аркадьевна***

В данной статье представлена современная интерпретация символа как психологической категории в контексте теории смысла и смыслообразования. Хотя исследование символа имеет достаточно длительную историю изучения в различных научных интерпретациях, современная психология дает возможность внести определенные содержательные дополнения в понимание механизмов формирования символов как на уровне общественного, так и личностного сознания. Основная цель данной статьи – охарактеризовать специфику понимания символа как определенной смысловой ценности. Выявлено и описано генетическое родство в интерпретации символизации в таких разных психологических школах, как психоанализ и теория смыслообразования.

Авторы предлагают дифференцировать символы по характеру их представленности в системе личностных ценностей и в связи с этим вводят категорию «понятия-символа». Понятия-символы, по мнению авторов, вследствие своего универсального функционального наполнения не похожи на традиционные понятия. Они – своеобразные трансформаторы, т. к. те значения, обладателями которых они являются, направлены не просто на постижение воспринимаемым субъектом данного контекста, а на вычленение смысла и его возможной вариативности. Символ способен инспирировать процедуру смыслообразования у субъекта, познающего его значения, потому как вбирает в себя две формы смысла: внеличностные и межличностные. Под интериоризацией понятий-символов принято рассматривать

осуществление «раскристаллизации» личностного осмысления, где само понятие и является его обладателем. Через использование понятийно-символической системы, рассматривающей понятия-символы различной смысловой нагрузки (символы: знаки, свойства, композиции, метафоры) возможно формирование и совершенствование смысловой сферы личности.

Ключевые слова: символ, символизация, смысл, смысловая сфера, смыслообразование, психоанализ, бессознательное, коллективное бессознательное, произвольная регуляция, личностная значимость.

Введение

Символ прочно входит в личностное и групповое сознание. Соблюдая закономерности и логическую последовательность становления системы понятий, изначальная функциональная база символа была связана с предметно-образной составляющей психосемантического бытия, где доминантой являлось эмпирическое обобщение, которое заключалось в преклонении (в тотеме) и в совершении обрядовых действий – ритуалов с различными предметами, отстраненными от них образами, проводимых в соответственных специфических условиях использования. Далее, в процессе эволюционирования от эмпирики к обобщенному теоретизированию, в результате становления абстрактно-обобщающих значений и их закрепления в виде устойчивых понятий в разных формах общественного сознания на надличностных уровнях, позиции символа укрепились и расширились. Возникновение ряда направлений, связанных с освоением существующей реальности, более не зависело от образного наполнения и развивалось на уровне абстракции свойств, ставших результатом ранее выработанных абстрактных значений, где под уровнем абстракции понимаются отчуждения и обобщения. Примером могут служить точные (математические) науки, содержательная сторона которых представлена в виде символической системы. Специфика понимания реальности через систему символов и механизмы символизации породила достаточно многочисленные исследования в различных психологических школах по поводу генезиса данного феномена. Эти работы достаточно разнородны, но есть определенная преемственность между различными научными трактовками. Цель настоящей статьи – показать, что ряд положений, высказанных еще в период доминирования психоанализа, находит отражение в современных смыслоориентированных трактовках.

Психоаналитические традиции в интерпретации символа

Психоанализ как основа психологического мировоззрения целой эпохи, безусловно, оказал влияние и на современные методологические позиции. Несмотря на то, что психоаналитическая школа занималась изучением

состояний глубинного пласта психики, и круг интересов не затрагивал непосредственно ее смысловой стороны личностной иерархии, вопрос о представлении способа образования личностных характеристик способствовал целенаправленной работе психологов в области выявления механизмов ценностно-смыслового ориентирования личности, к изучению ее интересов и склонностей, форм и способов существования, приближаясь, таким образом, к проблеме смысла и смыслообразования. Что лежит в основе поступков человека? Что определяет специфику его поведения в различных ситуациях? Как вернуть ему утраченную психологическую гармонию? Эти вопросы, поставленные в контексте психоанализа, во многом и были фактором, породившим смыслоцентрированную теорию сегодняшней психологии.

Психоаналитическая традиция также иницирует современных психологов на уровневое и иерархическое описание базовых конструкторов. В соответствии с этими традициями интерпретаций, смысл тоже может быть описан как сложносоставной феномен. Уровневый подход позволяет показать взаимодействие разных смысловых структур и образований. Смысл не статичен. Он подвижен и находится в разных состояниях. Одним из таких состояний является ситуативное, подверженное изменчивости, изрядной хаотичности, действующее на данный момент времени. К нему относятся личностные смыслы, личностные установки, смыслообразующие мотивы. Другое состояние смысла характеризуется стабильностью, устойчивостью и затрагивает сферу надситуативности. Это смысловые конструкторы, смысловые диспозиции, ценности. Если рассматривать смысл в логических рамках – от частного к общему, от подвижности к стабильности – то наблюдаются эпицентры (проекции) образования смыслов. Такое проявление, с одной стороны, мы наблюдаем в перемещении, в динамичности, во взаимопроникновении в другие блоки смыслообразования. С другой стороны, эпицентр связан с устойчивой смысловой структурой индивидуума. Следовательно, эти эпицентры, возникшие вследствие процесса смыслообразования и способные сами влиять и подвергать этот процесс значительной коррекции, опираются на постоянное дополнение друг друга, на слаженную взаимодействующую работу. Смыслообразование – это не единственное предназначение смысла. Полноту реализации смысла мы можем достичь посредством регулирования смысловых структур индивидуума и наблюдать при выборе его жизнедеятельности, его позиции, определенной ориентации, реализации планов и проектов, его жизнестойкости, качества жизни. Такая модель понимается как способ объединения человека с обществом, который возможен только через процессы указанной выше смысловой регуляции. Главная задача ситуативных и стабильных фаз смысла – «быть в наличии», чтобы произошел запуск функциональных смысловых образований в реальности, и формировалось

научное познание. Таким образом, необходимо разграничивать два направления, берущие начало из одной, конкретной точки смысла:

1) смысловая сфера человека и вопросы ее регуляции в жизни и в деятельности;

2) формирование, этапы развития самой смысловой сферы.

Еще один аспект смысловой проблематики, связанный с психоаналитическими исследованиями, ориентирован на выявление специфики символа как психологической категории. По мнению З. Фрейда, за символами стоит функция защиты собственного Я от угрожающих импульсов Эго. Я в угоду Супер-эго маскирует инициации либидо и Танатоса, ассоциативно закрепляя за определенными переживаниями конкретные образы, которые начинают выполнять роль кодификаторов. Особенно ярко это проявляется в сновидениях, когда цензура Супер-эго не может напрямую регулировать актуализированное психическое содержание, поскольку сон не подлежит волевой регуляции.

По мнению З. Фрейда, интерпретация содержательного наполнения снов может раскрыть специфику мотивации и поведения человека. В период сна человек не связан с реальностью, вытеснение ослабевает, происходит регрессия. Символ способен изменить расставленные акценты, в результате чего происходят трансформации. Скрытые душевные состояния человека: чувства смятения, неуверенности, обреченности, беспокойства, тревоги и страха претерпевают изменения, что приводит к нивелированию напряжения, разладов, страхов.

«Душа человечества выявляла себя от начала веков лишь в художественной фантастике, – иначе, что бы мы о ней знали! Ее творческая мощь постигается нами только в ее сновидениях, воплощенных в религии, мифы и произведения искусства. Никакая психология поэтому не в состоянии – это прочно внушил нашей эпохе Фрейд – доискаться до подлинно личного в человеке, если она рассматривает только его сознательные и ответственные действия; ей приходится спуститься вглубь, туда, где существо человека становится мифом и создает неподлиннейшую картину его жизни, в творчески стремительном потоке стихийно-бессознательного» [13, с. 45]. В процессе своей работы З. Фрейд условно группировал сны по трем направлениям. Первую группу, по З. Фрейду, составляют сны явного исполнения желания, вторую группу – сны с замаскированным исполнением желания, и носят беспокойный, тревожный характер. В таких снах происходит победа над инстинктами. К третьей группе относятся сны, связанные со страхами жизни и смерти. З. Фрейд отмечал, что каждой группе снов свойственен определенный символический арсенал, и для каждого человека он избирателен и индивидуален.

В действительности была и иная символическая теория, в основе которой лежали модели ребусов. В ней сновиденческие образы трактовались как однозначные вкрапления сексуального характера, и, соответственно, «образ – символ (знак)» рассматривался вне текста. Эта теория была заимствована З. Фрейдом у В. Штекеля, где сверхдетерминированность упрощается и сводится к однозначному механическому детерминизму. Результат этой теории сказался на чрезмерном, избыточном суждении З. Фрейда о сексуальности. Разводя символы по половой составляющей, З. Фрейд выделял две группы. К первой группе относились символы в виде фаллоса, а ко второй – в виде вульвы или другой явной компоненты женского естества. К подобной технике обращались при столкновении с типичными единичными символами, поскольку она определялась, также и З. Фрейдом, как вспомогательная. «Фрейд пишет, что ошибки его предшественников сводятся к тому, что они пытались вывести смысл сновидений непосредственно из образов его явного содержания, а не из их связей (через поверхностные ассоциации) со скрытыми мыслями» [6, с. 84]. Такой подход не соответствует языку символов.

Вслед за этим З. Фрейд работал с бессознательным одного определенного человека, тогда как К. Юнг значительно расширил рамки поиска и область изучения символа. Наделив символы совсем иными функциями, он осуществил выход вовне, за пределы индивидуальности, и устремил свои взоры к коллективному бессознательному. Он вводит понятие «опыт поколений», который издревле передается через века и обновляется людьми в соответствии с развитием последующих цивилизаций, где постижение достояния разных культур и ценностей, своеобразие и особенности жизненного уклада и исторических событий не проходят бесследно, а оседают в коллективном бессознательном и проявляются в сновидениях в качестве мифов, мифологических сюжетов как «генетическая память поколений». Он изучал механизмы воздействия и взаимосвязи «генетической памяти поколений» на индивидуальное бессознательное посредством мифологии. Он интерпретировал все богатство человеческих символов как выражение устойчивых фигур, архетипов. «Для того чтобы можно было говорить о содержании коллективного бессознательного, К. Юнг и вводит понятие “архетип”, которое описывает как «первобытный образ», тенденцию к образованию определенных представлений, инстинктивный вектор, мыслеформу, побудительную специфическую энергию, единство образа и эмоции» [15, с. 143]. Архетип, согласно К. Юнгу, представляет собой совокупность символов, где из каждого отдельно взятого символа может получиться большое количество. К. Юнг обозначает проблему духовного содержания личности не с точки зрения взаимосвязи символов. Его интересовала аналогия символов разной направленности (художественных, политических, мифологических),

т. к. в суждениях К. Юнга символы образуют собой своеобразные связующие нити между культурно-историческим наследием и индивидуальным опытом человека. Они функционируют как матрицы (генетические коды) сознания, способные объединять и регулировать впечатления, определяют перспективу личностного роста, распределяя в смысловые ячейки разного рода психосоматические состояния индивидуума [15].

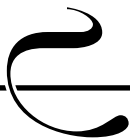
Именно эти, последние, психоаналитические интерпретации влияют на современные концепты смысла и смыслообразования, особенно в той части теории, которая ориентирована на раскрытие механизмов воздействия межличностных и внеличных форм смысла. Именно в этом контексте символ приобретает новую, теперь уже смысловую интерпретацию.

Символ в смысловой интерпретации

Символ прочно входит в личностное и групповое сознание. Появление символа, чья этиология сопряжена с глаголами греческого происхождения «соединять», «сталкивать», «сравнивать», тесно переплетается с процессом эволюции, в результате которой формировалась и развивалась культура, передавался исторический опыт последующим поколениям.

Соблюдая закономерности и логическую последовательность становления системы понятий, изначальная функциональная база символа была связана с предметно-образной составляющей психосемантического бытия, где доминантой являлось эмпирическое обобщение, которое заключалось в преклонении (в тотеме) и в совершении обрядовых действий – ритуалов с различными предметами, отстраненными от них образами, проводимых в соответственных специфических условиях использования. Далее, в процессе эволюционирования от эмпирики к обобщенному теоретизированию, в результате становления абстрактно-обобщающих значений и их закрепления в виде устойчивых понятий в разных формах общественного сознания на надличностных уровнях, позиции символа укрепились и расширились. Возникновение ряда направлений, связанных с освоением существующей реальности, более не зависело от образного наполнения и развивалось на уровне абстракции свойств, ставших результатом ранее выработанных абстрактных значений, где под уровнем абстракции понимаются отчуждения и обобщения. Сообразно развитию гуманитарной области знаний закреплялись общественные формы сознания, что обусловило потребность в символизации.

Символизация – процесс создания на абстрактно-обобщенном уровне понятий-символов, которые не просто являются знаком-аналогом, замещающим определенный предмет или явление, а концентрируют в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных»

или «сверхреальных». Понятия-символы, по мнению авторов, вследствие своего универсального функционального наполнения не похожи на традиционные понятия. Они – своеобразные трансформаторы, т. к. те значения, обладателями которых они являются, направлены не просто на постижение воспринимаемым субъектом данного контекста, а на вычлениении смысла и его возможной вариативности. Следует разводить понятия «символ» и «знак». Функциональное назначение знака – обозначать, в то время как символу принадлежит иная нагрузка. Символ самодостаточен, ему присуща самоценность. Он органично вписывается в психическую и духовную жизнь индивидуума. Если знаку отводится внешнее восприятие, он представляет собой некую оболочку, то символ – это внутреннее смысловое ядро, кладезь смыслов, которому отводится центральное, доминирующее положение среди понятий, наделенных меньшей обобщенностью. Влияние символа огромно для овладения содержательной стороной определенного контента. Понятия-символы универсальны, значимы, с уровнем оценки событий как составляющей общественного сознания. Опираясь понятиями-символами в рассказах, описаниях, возникает тенденция к размаху, к глобальности, акценты ставятся на широкий диапазон предмета осмысления. При употреблении, например, понятий «Бородинское сражение», «Куликовская битва», «политический переворот» мы тяготеем к оценочному компоненту, который присутствует в понятиях-символах. Это уникальный процесс, поскольку любое конкретное культурное наследие принимается его представителем помимо обобщенного значения конкретного понятия еще и в области положительного или отрицательного. Самобытность символа, наделенного надличностными и личностными смыслами, привлекала и привлекает психологов разных направлений и школ.

В зависимости от уровня реализации данного процесса «раскристаллизации», в контексте теории смысла и смыслообразования возможно выделить уровни развития и понимания символических значений:

- низкий (человек не понимает символических значений, апеллирует к понятиям-символам ситуативно или вообще не использует их в своей практике);
- средний (человек понимает межличностные формы смысла, может интерпретировать их символическое значение);
- высокий (человек понимает символическое значение того или иного понятия, может наделять их личностно-смысловыми интерпретациями, соотносить их значения с другими символами, выделить их общие и отличительные характеристики).

У людей с высоким уровнем осведомленности и понимания символических значений также наблюдаются определенные различия в символизации,

особенно применительно к проблемам, связанным с личностной значимостью символа. Этот показатель тоже можно описать в уровневой логике. Эмпирические исследования позволили выявить три уровня личностной значимости символов:

- «символы-свойства»: символизируется отдельный признак предмета, например, форма или цвет, респондент при этой форме интерпретации символа не видит разницы между интерпретацией символа и знака;
- «символы-композиции»: обобщение ряда свойств в единый устойчивый образ, например, архитектурные сооружения, такие как египетские пирамиды, Колизей и т. д., выход на межличностные формы смысла;
- «символы-метафоры», когда в качестве символа выступает скрытое свойство объекта, порождающее смысловые инициации самого респондента, наличие личностного смысла при смысловой интерпретации.

Данная типология позволяет в процессе исследований смысловой сферы личности ориентироваться на особенности развития символической функции как индикатора смыслового развития личности.

Литература

1. *Абакумова И. В.* Смыслодидактика. Учебник для магистров педагогики и психологии. Издание второе, дополненное. – М.: КРЕДО, 2008. – 449 с.
2. *Абакумова И. В., Колтунова Е. А.* Психологические особенности неслышащих в период юности // Российский психологический журнал. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 82–90.
3. *Абакумова И. В., Тельнова О. В., Фоменко В. Т.* Дидактическое опережение в обучении: когнитивные реалии и личностно-смысловой ресурс // Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания. – 2013. – № 1. – С. 363–364.
4. *Братусь Б. С.* Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – С. 34–49.
5. *Волочков А. А., Ермолаенко Е. Г.* Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 2. – С. 17–33.
6. Гуманитарная коллекция. «Бессознательное». – Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994.
7. *Коваленко Е. М.* Концепт «символ» в философии культуры А. Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 2. – С. 16.
8. *Колтунова Е. А.* Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9. – № 3. – С. 72–81.

9. Колтунова Е. А. Символ как психологическая категория в психоаналитических теориях // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – № 10/4. – С. 5–10.
10. Михайлов М. А. Динамика смыслообразования и ее влияние на архитектуру личности // Журнал прикладной психологии. – 2005. – № 1. – С. 31–37.
11. Развитие творческих способностей: технологии интегрированного воздействия: учебное пособие / Под ред. И. В. Абакумовой, Ж. Ю. Кара. – М.: КРЕДО, 2012. – 92 с.
12. Спирова Э. М. Функции символа // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 205–211.
13. Цвейг С. «Зигмунд Фрейд». Из биографической трилогии «Врачевание и психика». – М.: Форкис, 1990.
14. Цветков А. В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 157 с.
15. Юнг К. Г. Введение в психоанализ. Гл. 5. – М., 1997.
16. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth // The 13th European Congress of Psychology. – Stockholm, 2013.
17. Aristotle. De I interpretation // Aristote. Organon, Cathegories et De I interpretation. – P.: Yrin., 1994.
18. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V. Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 35–41.
19. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V., Kara Zh. Ju. Characteristic Features of Transformation of Life-sense Orientations of Emigrants // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 267–270.
20. Royce J. R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. – Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1983. – 304 p.